

Павел Иванович Бирюков. Биография Л. Н. Толстого, том четвертый Date: 20 января - 4 февраля 2003 Изд: Павел Бирюков. Биография Л. Н. Толстого, книга вторая (Серия "Гений в искусстве"), М., "Алгоритм", 2000 OCR: Адаменко Виталий (adamenko77@mail.ru) Rem: Прошу проверить орфографию фрагментов на иностранных языках Rem2: В тексте 15 главы пришлось исправить явную ошибку наборщиков Биография Л. Н. Толстого Том четвертый Часть 1. 1900-1902 Отлучение. Крымская болезнь Глава 1. 1900 г. Трансваальская война. Духоборы 1-го января Л. Н-ч делает в дневнике такую запись: "Сижу у себя в комнате, и у меня все, встречая Новый год. Все это время ничего не писал, нездоровится. Много надо записать". Л. Н-ч жил в это время в Москве с семьей. По записям его дневника заметна некоторая физическая слабость, навевающая на него грустные думы. Он даже начинает каяться в грехах своей юности. Вспомнил свое отрочество, главное юность и молодость: "Мне не было внушено никаких нравственных начал, никаких, а кругом меня большие с уверенностью курили, пили, распутничали (в особенности распутничали), били людей и требовали от них труда. И многое дурное я делал, не желая делать, только из подражания большим". В то же время мысли его проникают самую сущность вещей, и он делает интересные и глубокие обобщения: "Ехал наверху на конке, глядел на дома, вывески, лавки, извозчиков, проезжих, прохожих, и вдруг так ясно стало, что весь этот мир с моей жизнью в нем есть только одна из бесчисленных количеств возможностей других миров и других жизней, и для меня есть только одна из бесчисленных стадий, через которую мне кажется, что я прохожу во времени". Интересна запись, которую делает Л. Н-ч через несколько дней: "Читаю газеты, журналы, книги и все не могу привыкнуть приписать настоящую цену тому, что там пишется, а именно: философия Ницше, драмы Ибсена и Метерлинка и наука Ломброзо и того доктора, который делает глаза. Ведь это полное убожество мысли, понимания и чутья". "Читаю о войне на Филиппинах и в Трансваале, и берет ужас и отвращение. Отчего? Войны Фридриха, Наполеона были искренни и потому не лишены были некоторой величественности. Было это даже и в Севастопольской войне. Но войны Америки и Англии среди мира, в котором осуждают войну уже гимназисты, - ужасны". 8-го января у Л. Н-ча в Москве пел Шаляпин. Около этого же времени совершилось интересное событие - знакомство Л. Н-ча с Горьким, пришедшим к нему в Москве. И Л. Н-ч отмечает в дневнике это событие такими словами: "Был Горький. Очень хорошо говорили. И он мне понравился. Настоящий человек из народа. Какое у женщин удивительное чутье на распознавание знаменитости! Они узнают это не по получаемым впечатлениям, а по тому, как и куда бежит толпа. Часто, наверное, никакого впечатления не получила, а уже оценивает, и верно". В то же время продолжается его дружба с Чеховым. Л. Н-ч очень ценил его и как человека, и как художника, но не одобрял его драматических произведений. Так 27 января он записывает: "ездил смотреть "Дядю Ваню" и возмутился". Но, видно, все-таки драма задела его за живое, потому что он прибавляет: "Захотел написать драму "Труп", набросал конспект. Мне кажется, что в драме "Живой труп" есть нотки, навеянные произведением Чехова. Такова тайна художественного творчества". Тут же Л. Н-ч дает интересное определение материи и движения, определение, могущее послужить основанием целой философской системы. "Сережа с Усовым говорили о различных пониманиях устройства мира: прерывности или непрерывности материи. При моем понимании жизни и мира - материя есть только мое представление, вытекающее из моей отделенности от мира. Движение же есть мое представление, вытекающее из моего общения с миром, и потому для меня не существует вопроса о прерывности или непрерывности материи". В начале января приезжал в Москву Вл. Вас. Стасов. Л. Н-ч ходил с ним в Третьяковскую галерею и высказывал отрицательное отношение к картинам Васнецова и, наоборот, любовался картинами Н. Н. Ге. В это время у Л. Н-ча в его отношении к семейным замечается некоторое успокоение; так, в письме к своей дочери Т. Львовне Л. Н-ч пишет: "в нашей жизни хорошо то, что я живу очень дружно с мамой, что главное, и также с Сережей, все ближе и ближе, и умильнее и умильнее. Когда начинает расспрашивать о действии моего желудка, или с робостью предлагает мне потереть спину в бане - то это действует особенно умильно". К концу января восстановившееся было здоровье Л. Н-ча снова пошатнулось, но, слава Богу, не надолго. В это время англичане вели войну с бурами во имя "цивилизации". Это ужасное преступление лжи и жестокости сильно волновало Льва Николаевича. Для всех было очевидно, что англичане рано ли, поздно ли задавят своим кулаком храбрых, но слабых буров. И эта слабость их внушала к ним невольную симпатию. На этой симпатии поймал себя и Л. Н-ч. Один корреспондент так передает разговор со Л. Н-чем по поводу трансваальской войны: "О своих работах граф говорил вообще неохотно, но едва речь зашла о Трансваале и англо-трансваальской войне, великий старик оживился; глаза его заблестели. - Знаете ли, до чего я доходил, - сказал он, - Теперь этого уже нет; я превозмог себя... Утром, взяв в руки газету, я страстно желал всякий раз прочесть, что буры побили англичан. Эта война - величайшее безрассудство наших дней. Как! Две высоко цивилизованные нации, голландцы и англичане, истребляют друг друга; Англия, страна, гордившаяся титулом, свободной страны, пытается раздавить малочисленных буров, не сделавших англичанам ни малейшего вреда. Это что-то непонятное, невероятное!... - Знаете, на что это безумное нападение похоже? - заметил после небольшой паузы Лев Николаевич. - Это то же самое, если бы мы с вами, люди уже старые, вдруг поехали к цыганам в "Стрельну", утратив всякий стыд. И эта бойня, заметьте, совершается после Гаагской конференции, так